

«Поэты всегда возвращаются»

Нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому — 50 лет

Четвертого июня тысяча девятьсот семьдесят второго года он, уезжая, отправил письмо Брежневу: «...переставая быть гражданином СССР, я не перестаю быть русским поэтом. Я верю, что я вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге. Я хочу верить и в то, и в другое. Люди вышли из того возраста, когда прав был сильный. Для этого на свете слишком много слабых. (...) даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится».

Он оказался прав. Поэты всегда оказываются правы. Это с трудом доходит до начальников — царей или вождей.

Обижали Пушкина, Лермонтова, Гумилева, Мандельштама, Ахматову, Пастернака, Цветаеву. Обижая — убивали, но — никогда не побеждали. Стихи и душа поэтов неизменно «пригождались» народу.

...Никто, конечно, не ответил на письмо гражданину Бродскому. Да и что можно ответить, например, на следующее: «Поэт наживает себе неприятности в силу своего лингвистического и, стало быть, психологического превосходства, а не по политическим причинам. Песнь есть форма лингвистического неповиновения?»

В силах ли понять система, что такое лингвистическое неповиновение? Или — как это поэт может испытывать свое превосходство перед властью? По какому праву царствуют

поэтически одаренные люди? Но нечего одних вождей во всем винить.

Уже стал Бродский лауреатом Нобелевской премии, уже совпало это с тем, что наша страна перестраивалась, уже «Новый мир» напечатал его стихи, уже другие советские издания робко, но дружно потянулись к этому имени, а наша газета, увыв, в это время поместила на своих страницах статью, где о Бродском говорилось в уничижительном тоне. Это было, было, было...

В 1970 году в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова вышел сборник Иосифа Бродского «Остановка в пустыне». Предисловие было подписано инициалами — Н. Н. Сегодня мы публикуем его (в сокращении).

Поэты всегда возвращаются. Поэтов возвращают стихи. З. ЕРОШОК.

С державинских времен положение поэта в России круто изменялось от поколения к поколению, пока не приобрело наконец противостественных форм. Непризнание поэта публикой, черной, властью, гонения на поэта всегда переживались обществом острее, чем неприятие какого-нибудь гениального механика или гонения на астронома. Причиной тому — сама природа поэтического, способного возбудить в человеке чувство, используя особый дар владения человеческими словами: слабый лирик умеет пожаловаться куда более душераздирающе, чем сильный физик.

Державин полагал и удерживал, что поэт — это член общества со значительными привилегиями перед остальными, привилегиями, дающими не за неуловимые связи с небесами, а за умение лучше всех остальных написать оду, выразительней всех остальных передать важную мысль. Исключительность поэта, по его разумению, на деле должна быть сродни исключительности какого-нибудь министра, и не только не надо кичиться непризнанием и гонениями, но следует всячески избегать их, оставив глупцам попрание неспровергаемых основ.

Пушкин со своей образцовой биографией преследуемого не был тем не менее мальчиком, лезущим на рожон. У него был другой, не державинский темперамент, и он бесился, не в силах разом избавиться

от душевной пошлости и бесчувственной тирании эпохи. Но изгоем, парией, цветаевским «поэтом» он категорически не желал быть, писал в подобающем тоне письма Бенкендорфу и стансы царю, и только нигилизм последующих поколений превратил твердость его убеждений в вызов обществу, а трагедию его судьбы в акт уничтожения поэта властью.

В двадцатом веке писание стихов превратилось в смертельно опасное занятие. Опасности возросла, разумеется, не от появления в стихах каких-то новых, прежде не бывших качеств, а оттого, что по взаимному негласному уговору куда более нормальные виды деятельности — и те стали считаться провинностью. В обстановке, когда сама возможность жизни поэта и его близких не то чтобы была под угрозой уничтожения, но прямо уничтожалась, нельзя было писать стихи, делая вид, что это в порядке вещей. Судьбы Ахматовой и Мандельштама — тому примеры.

Бродский возвращает поэзии ее принадлежность литературе как таковой, ее цеховое достоинство, ее привилегированное гражданство. Представление, по которому поэт — существо не от мира сего и возводящее очи горе, так же чуждо ему, как и представление, по которому поэт занят исключительно тем, чтобы наносить удары по действительности. Если между мнимыми про и contra он чаще на стороне contra, то потому главным об-

разом, что contra намного интереснее.

Бродский начинал со стихов, из которых одно или два и поныне поются в разных компаниях под гитару. В них были — вообще тоска, вообще негодование, вообще чувство. Почти сразу он сошелся с ленинградскими поэтами, которые немногим старше его и которых Ахматова однажды назвала «аввакумовцами». У них он на всю жизнь научился писать стихи словами, а не фразами, как было принято тогда и почти повсеместно принято сейчас.

Н. Н.

1968 г.

Сопет

Как жаль, что тем, чем стало для меня твое существование, не стало мое существование для тебя. ...В который раз на старом пустыре я запускаю в проволочный космос свой медный грош, увенчанный гербом, в отчаянной попытке возвеличить момент соединения... Увы, тому, кто не умеет заменить собой весь мир, обычно остается крутить шерватый телефонный диск, как стол на спиритическом сеансе, пока призрак не ответит злом последним воплем зуммера в ночи.

1967

Фото Виллема ДИПРААМА.